

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 149–153
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 149–153
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-2-149-153>, EDN: VZMZAT

Научная статья
УДК 111+114+115

Практика рецепции пространства и времени в экзистенциально-феноменологической перспективе

А. А. Ромащенко

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Ромащенко Александр Александрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия, социология, культурология», romaschenko.al@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2557-5404>

Аннотация. Введение. В философских исследованиях последних лет можно отметить появляющийся интерес к проблематике пространства и времени в аспекте связи данных понятий с экзистенциально-феноменологической методологией. **Теоретический анализ.** В статье анализируются некоторые современные подходы к проблеме пространства и времени в контексте указанной методологии, а также подходы, которые либо находятся в оппозиции к феноменологической традиции, либо пытаются сформировать смежное понимание указанной проблемы. Проблематизация пространства в рамках интересующего нас подхода лишь намечалась в хайдеггеровской экзистенциальной аналитике Dasein. С момента появления спекулятивного реализма со свойственным ему вопросом о возможности мыслить реальность (пространство и время) вне горизонта когнитивных и сенситивных особенностей человеческого присутствия в философии по-новому звучит вопрос о соотношении бытия и мышления, особенно в аспекте возможности построения новых онтологий. **Заключение.** Анализ современных подходов к проблеме пространства и времени в аспекте экзистенциально-феноменологической традиции показывает, что в современной философии проблематизация пространства качественно дополняет философию человека, а также развивает некоторые ее аспекты.

Ключевые слова: пространство, время, присутствие, экзистенциал, габитус, спекулятивный реализм, место, география

Для цитирования: Ромащенко А. А. Практика рецепции пространства и времени в экзистенциально-феноменологической перспективе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 149–153. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-2-149-153>, EDN: VZMZAT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The practice of perceiving space and time from an existential-phenomenological perspective

A. A. Romashchenko

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politekhnikeskaya St., Saratov 410054, Russia

Alexander A. Romaschenko, romaschenko.al@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2557-5404>

Abstract. Introduction. In contemporary philosophy there is an emerging interest in space and time in relation to the existential-phenomenological tradition. **Theoretical analysis.** The article analyses some modern approaches to the problem of space and time in the context of the above-mentioned methodology, as well as those approaches that either stand in opposition to the phenomenological tradition or try to form the related understanding of the problem. The problematisation of space within the framework of the approach we are interested in has only been outlined in Heidegger's existential analysis of Dasein. Since the emergence of speculative realism, with its inherent questioning of the possibility of thinking reality (space and time) beyond the horizon of cognitive and sensory features of human presence, the question of the relationship between being and thinking, especially in the aspect of the possibility of constructing new ontologies, sounds new in philosophy. **Conclusion.** The analysis of modern approaches to the problem of space and time in the context of the existential-phenomenological tradition shows that in modern philosophy the problematisation of space qualitatively complements human philosophy and develops some of its aspects.

Keywords: space, time, Dasein, existential, habitus, speculative realism, place, geography

For citation: Romashchenko A. A. The practice of perceiving space and time from an existential-phenomenological perspective. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 149–153 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-2-149-153>, EDN: VZMZAT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема пространства традиционно рассматривается в связи с проблемой времени. Однако в философии XX в. проблема времени, разрабатываемая в контексте экзистенциально-феноменологической традиции, становится своеобразным лейтмотивом культуры философского мышления, оставляя в тени проблему пространства. Такой упор на темпоральную проблематику в философии постметафизического мышления связан в первую очередь с общей традицией философии человека в рамках практики преодоления метафизики, начиная с С. Кьеркегора и его контргегельянской позицией, в которой существование человека понимается не категориально, а экзистенциально: «Где я? Кто я? Как я пришел сюда? Что это за вещь, которую мы называем миром?» [1, с. 77]. Несмотря на то, что кьеркегоровские слова содержат в себе по большей части отсылку к месту, философия начала XX в. все-таки ориентируется не столько на пространственность существования человека, сколько на его временность и историчность. Время в такой перспективе становится своего рода методологическим и предметным основоположением для философии: человек не мыслится локально (по большей части), а мыслится темпорально, временно и исторически. Тем не менее попытка формирования новых онтологий в начале XXI в., а также практика поиска новых междисциплинарных форм понимания человека привели к ренессансу проблемы пространства в рамках современной философии.

Теоретический анализ

Рецепцию пространства и времени часто делят по качественному и количественному способам. Качественное понимание акцентирует внимание на качественных, психологических и эмоциональных аспектах пространства (времени), указывая на значимость присутствия человека в определенном месте и в определенное время. Такой способ рецепции предопределяет возможность локализации интересующих нас феноменов по принципу качественного наполнения: пространство локализуется в местах и ландшафтах, время – в темпоральных интервалах жизни человека. Особое значение для качественного понимания пространства (времени) приобретает феномен человеческой телесности, поскольку тело в такой перспективе становится центром сосредоточения как локальных, так и темпоральных аспектов.

Количественное же пространство (время) осуществляет рецепцию на уровне обезличенных, количественных характеристик, в которых присутствие человека не существенно. Особенностью такой рецепции становится минимизация субъективного переживания места и момента, а также максимизация в описании пространства (времени) в терминах математики и геометрии. Более того, пространство и время в количественной форме приобретают свою субстанциальность в качестве основополагающих форм сущего. Однако если в Античности данная субстанциальность пространства и времени еще не окончательно получила свое категориальное выражение, то у Декарта этот процесс завершился, в том числе предопределив и начало сегрегации наук: объектом естествознания становятся тела протяженные, движущиеся и способные к делению и распаду; предметом метафизики становятся явления, имеющие иную субстанцию – мышление, для которого не свойственны ни делимость, ни распад, ни протяженность, ни временность.

Более того, некоторые социальные успехи естествознания конца XIX – начала XX в., формируют облик учености по образцу естественнонаучных дисциплин, а также предпринимают попытки навязывания данного облика философии мышления, субъекта и человека в целом, выстраивая позитивистскую модель человека, в которой превалирует психологическое понимание духовной жизни.

Дильтеевская демаркация наук, однако, перетягивает время на сторону наук о духе; оно становится основанием для переноса декартовой мыслящей субстанции в область практик истории, политики, культуры и искусства на общем основании – понятия «жизни»: «...Философия жизни в дильтеевском понимании не означает более некую философию о жизни как о наиболее близко ее касающемся предмете. Новый принцип методической строгости Дильтей видит в том, что философствование должно исходить из жизни» [2, с. 29]. Тем самым осуществляется переосмысление самого предмета познания: если для наук о природе человек – это нечто количественно протяженное, телесное и психологическое (психология в данном случае есть не более чем усложненная системная организация материальной реальности, способная к познавательной активности), то для наук о духе человек – это нечто качественное целостное, не дробящееся на фрагменты, однако имеющее в качестве подосновы своего существования длительность в форме историчности: «Меняется перспектива: вместо человека как познающего субъекта,

вместо разума исходным становится "целостный человек", "тотальность человеческой природы", "полнота жизни"» [2, с. 27].

В такой перспективе, однако, понятие времени претерпевает аберрацию. С одной стороны, время (как и пространство) продолжает быть предметом естествознания, выстраивая целостную научную картину мира. С другой стороны, время становится основой для формирования наук о духе в качестве формы историчности и временности бытия человека. Экзистенциально-феноменологическая традиция (особенно экзистенциальная аналитика Dasein М. Хайдеггера) отождествляет собственно бытие и время: «Экзистенциально-онтологическое устройство целостности присутствия основывается во временности» [3, с. 216].

Что происходит с пространством в такой проекции? С одной стороны, оно остается наряду со временем основным предметом естествознания (сливаясь континуально с понятием «время» в эйнштейновской физике). С другой стороны, для пространства почти не остается места в мире экзистенциального опыта в контексте экзистенциально-феноменологической традиции. За некоторым исключением. Хайдеггер в «Бытии и времени» прибегает к пространственному пониманию основного экзистенциала Dasein – бытия-в-мире, указывая на мир, что дает вполне правомерный повод для возникновения русского перевода Dasein как присутствия. Более того, в докладе 1968 г. «Время и бытие» Хайдеггер придает времени, как это ни парадоксально, некий протяженный характер, объединяя пространственно-протяженные формы существования и времени в аспекте бытия Dasein: «Время не *есть*. Время имеет место... Мы называем место, вмещающее собственно время, просветом утаивающего протяжения. Поскольку протяжение само есть вмещение, в собственно времени уже таится имение места» [4, с. 400]. Но в то же время Хайдеггер указывает: «А где имеет место время и протяжение времени? ...само собственное время, область его близящей близью определенного троякого протяжения и есть та допространственная местность, через которую впервые имеет место всякое мыслимое Где» [4, с. 400]. То есть в данном случае прекрасно видно, что пространство для экзистенциально-феноменологической традиции вторично по отношению к временности.

Пространственность в «Бытии и времени» находит себе место, тем не менее, в связи с телесностью присутствия (Dasein). Рассуждая о телесности Dasein, Хайдеггер пользуется терминами

«сподручное» и «забота»: «Если мы приписываем пространственность присутствию, то это „бытие в пространстве“ надо, видимо, понимать из способа бытия этого сущего... Присутствие же есть „в“ мире в смысле озаботившегося-освоившегося обращения с внутримирно встречным сущим. Если ему соответственно тем или иным образом присуща пространственность, то это возможно лишь на почве такого бытия-в» [3, с. 58]. Таким образом, «бытие-в» выступает основой пространственности присутствия, которая тем не менее связана со временем как со своим условием: «Лишь на основе экзистенциально-горизонтной временности возможно вторжение присутствия в пространство» [3, с. 183].

Однако именно хайдеггеровские «забота» и «подручное» как пространственные экзистенциалы Dasein получают свое развитие в новых междисциплинарных способах осмысления феноменологии человеческого присутствия посредством своеобразного синтеза философии и географии. В частности, можно обратиться к работе Э. Кейси [5], где осуществляется попытка расширения хайдеггеровской заботы и мира подручного как экзистенциалов на область географического понимания человека, в котором доминируют такие понятия, как «место» и «ландшафт»: «И география, и феноменология сосредоточились на месте, как оно воспринимается людьми, в отличие от пространства, абстрактность которого препятствует эмпирическим исследованиям» [5, с. 683]. Э. Кейси различает собственно пространство как предмет естествознания и место как объект для новой феноменологии человеческого присутствия, утверждая при этом, что ««место» – это непосредственное окружение моего живого тела – арена действия, которая одновременно является физической и исторической, социальной и культурной» [5, с. 683]. Как видно, в таком понимании места особое значение имеет телесность, в том числе и как поверхность, имеющая связь с географией, и как практика проявления своей самости в связи с ландшафтом своего существования. Взаимозависимость ландшафта и присутствия у Кейси выражено в понятии, позаимствованном у П. Бурдые, – габитус, т. е. способ, посредством которого человек испытывает телесно влияние ландшафта и, наоборот, трансформация ландшафта через присутствие тела [5, с. 687]. Очевидно, что габитус в контексте феноменологии географического субъекта понимается качественно, поскольку феноменология габитального понимания присутствия, ландшафтность его телесности, имеет черты

квалитативной рецепции пространственности. Однако то, что в данном случае имеет облик психологического переживания, не должно становится предметом только количественного понимания (психологии), так как речь в данном случае идет не столько о психологических состояниях, сколько о некоторых допредикативных, континуальных чертах самого присутствия. Это значит, что такие понятия, как страх, тревожность, надежда, заброшенность, являются основополагающими в таком понимании человека и подлежащими определенному раскрытию в рамках экзистенциальной феноменологии, а также в концепциях междисциплинарного характера.

В статье «Что такое метафизика?» Хайдеггер рассматривает понятие «ужас», которое он интерпретирует как состояние, «благодаря которому открывается Ничто и исходя из которого должен ставиться вопрос о нем» [6, с. 21]. П. Тиллих указывает на то, что тревожность и паника являются спутниками человека в момент его встречи с небытием: «Прежде всего о природе тревоги можно утверждать следующее: тревога – это состояние, в котором бытие осознает возможность своего небытия» [7, с. 30].

Возникает вопрос: каковы связи между тревожностью (ужасом небытия) и пространством (временем)? Можно предположить: если временность существования человека всегда связана с его присутствием (а тревожность возникает от мысли о существовании мира до или после человека), то пространство присутствия порождает тревожность за счет того, что пространство, география и ландшафт могут находиться за пределами присутствия фактически в момент присутствия человека как нечто недостижимое («пространство отсутствия», или так называемые ламинальные пространства). В данном случае встает вопрос, который не фигурирует в рамках экзистенциально-феноменологической традиции, но который должен все-таки иметь место: экзистенциальная тревожность присутствия в определенные моменты может возникать от осознания того, что мир (природа, общество, культура) не ограничивается только присутствием человека? При всей парадоксальности такой постановки вопроса в публикациях последних 20 лет она встречается довольно часто и объединена под общим названием «спекулятивный реализм», который в определенном контексте неординарно осуществляет попытку реализации призыва Э. Гуссерля «назад к вещам!».

Разнообразные идеи построения новых онтологий были объединены под общим знаменате-

лем «предметно-ориентированных» онтологий, т. е. ориентированных на рецепцию пространства (времени), в котором присутствие выведено за скобки, а основным интересом становится мир без человека. Отличие спекулятивного реализма от позитивизма заключается в том, что последний при всем своем требовании минимизации субъективизма и психологизма все-таки ориентирован на присутствие человека в его познавательной либо означающей способности. Тем не менее при всей своей противоречивости спекулятивный реализм актуализирует вопрос существования мира, времени, пространства, ландшафта и географии по ту сторону присутствия. Несомненно, этот вопрос конгениален пониманию допредикативных состояний Dasein Хайдеггера: человек перед лицом своего отсутствия.

Используя установку спекулятивного реализма, а также опираясь на идеи феноменологии М. Мерло-Понти, Дилан Тригг в книге «Нечто. Феноменология ужаса» предпринимает попытку формирования феноменологии пространства и попытку мыслить протяженность вне привычных когнитивных установок. Основным предметом исследования в данной работе становится пространство телесности человека, представленное как нечто чуждое привычному, культурно и социально обусловленному взгляду: «Тело, постулируемое в этой книге, не только предшествует человеческому, но и в каком-то смысле противостоит самой человеческой экзистенции в той мере, в какой оно дестабилизирует опыт бытия субъектом, вскрывая неассимилированную глубину в самой сердцевине привычного существования» [8, с. 18]. Пространство телесности в данном случае понимается не столько как поверхность (ландшафтность), сколько как нечто, что фундаментально чуждо и отталкивающе для того взгляда, который был традиционно присущ философии.

Заключение

В ходе анализа было выявлено неоднородное построение теоретических концепций для понятий пространства и времени в истории философии. На фоне детальной проработки проблемы временности в экзистенциально-феноменологическом русле проблематика пространства по большей части долгое время оставалась вне поля зрения данной традиции. Скорее всего, это связано с количественной рецепцией пространства в области наук о природе. Тем не менее при раз-

работке междисциплинарного категориального аппарата, а также вследствие трансформации самой экзистенциально-феноменологической традиции проблематика пространства начинает приобретать все большее значение в конституции нового образа человека, в котором присутствуют черты качественного пространства как ландшафта, места и телесности.

Список литературы

1. Кьеркегор С. Повторение. Опыт экспериментальной психологии. М. : Лабиринт, 1997. 160 с.
2. Михайлов А. М. Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни. М. : Прогресс-Традиция ; Дом интеллектуальной книги, 1999. 284 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
4. Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 391–407.
5. Edward S. Casey. Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World? // *Annals of the Association of American Geographers*. 2001. Vol. 91, № 4. P. 683–693.
6. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 16–27.
7. Тиллих П. Мужество быть // Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М. : Юрист, 1995. С. 7–109.
8. Тригг Д. Нечто. Феноменология ужаса. Пермь : Гиле Пресс, 2017. 174 с.

References

1. Kierkegaard S. *Gjentagelsen: Et Forsøg i Den Experimenterende Psychologi*. Forord, Gads forlag, 1997. 105 p. (Russ. ed.: Kierkegaard S. *Povtoreniye. Opyt eksperimental'noy psikhologii*. Moscow, Labirint Publ., 1997. 160 p.).
2. Mikhaylov A. M. *Ranniy Khaydegger: mezhdru fenomenologiyey i filosofiyey zhizni* [Early Heidegger: Between Phenomenology and the Philosophy of Life]. Moscow, Progress-Traditsiya, Dom intellektual'noi knigi Publ., 1999. 284 p. (in Russian).
3. Heidegger M. *Sein und zeit*. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 1967. 450 S. (Russ. ed.: Heidegger M. *Bytie i vremya*. Kharkiv, Folio Publ., 2003. 503 p.).
4. Heidegger M. *Vremya i bytie*. In: Heidegger M. *Vremya i bytie. Statyi i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 391–407 (in Russian).
5. Edward S. Casey. Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World? *Annals of the Association of American Geographers*, 2001, vol. 91, no. 4, pp. 683–693.
6. Heidegger M. *Chto takoye metafizika?* In: Heidegger M. *Vremya i bytie. Statyi i vystupleniya* [What is metaphysics? Articles and Speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 16–27 (in Russian).
7. Tillich P. *Der Mut Zum Sein*. *International Yearbook for Tillich Research*, 2018, S. 259–284 (Russ. ed.: Tillykh P. *Muzhestvo byt'*. In: Tillykh P. *Izbrannoe: Teologiya kul'tury*. Moscow, Yurist Publ., 1995, pp. 7–109).
8. Trigg D. *The Thing. The Phenomenology of Horror*. Washington, Zero Books, Winchester, 2014. 156 p. (Russ. ed.: Trigg D. *Nechto. Fenomenologiya uzhasa*. Perm', Gile Press Publ., 2017. 174 p.).

Поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 27.03.2023
The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 27.03.2023